

Глава 19. Сомнения

Цю Хуанянь перебирал пальцами еще влажные волосы. В серебристом сиянии луны его кожа, благоухающая свежестью мыльных бобов, казалась чистой и гладкой, словно драгоценный белый нефрит.

Вэй Люхуа на мгновение замерла, залюбовавшись им, но тут же спохватилась и, понизив голос, заговорила:

— Братец Хуа, мы сходили в деревню моих родителей и собрали там сахарную свеклу.

Хуанянь понимающе кивнул. Судя по тому, как скрытно вели себя супруги, они явно не хотели, чтобы госпожа Чжао прознала об их делах.

Он отступил, пропуская гостей во двор. Ду Юньху и его жена внесли тяжелые мешки.

— Здесь сто цзиней сахарной свеклы, — тихо сказала Люхуа. — Выбирали только самые крупные и лучшие плоды. В нашей деревне все уже прослышали об этой удаче и только и ждут, когда мы придем за следующей партией.

Она несколько дней уговаривала свекровь, и та наконец позволила ей навестить родню. Супруги выехали еще до рассвета, запрягши мула, и вернулись лишь с наступлением темноты. Чтобы не привлекать внимания, они оставили повозку на окраине и сначала принесли товар Хуаняню.

Юноша мельком осмотрел содержимое мешков. Свекла, собранная Люхуа, была отменного качества: и размером, и сочностью она заметно превосходила ту, что росла в деревне Ду.

Не тратя времени на весы, он вынес из дома пятьдесят медных монет и протянул им. Супруги переглянулись, не скрывая радости. Чистая прибыль составила семнадцать вэнь — сумма небольшая, но это были их личные деньги, которые не нужно было отдавать в общий котел госпожи Чжао.

Невестка немного помялась и робко спросила:

— Братец Хуа, можно мне купить у тебя пару яиц и одну палочку сорговой ириски?

Она боялась, что, пока они доберутся до города, деньги могут разойтись на другие нужды, а ей хотелось, чтобы её маленький Ю-гээр поел чего-нибудь вкусного уже завтра.

В хозяйстве госпожи Чжао, по слухам, было не меньше десятка кур, так почему же Люхуа приходилось покупать яйца на стороне? Хуанянь догадывался, что за этим кроется немало семейных распрей, но расспрашивать не стал. Он просто вынес два яйца и ириску, взяв семь вэнь.

Повозка всё еще стояла за воротами, и гости, не мешкая, подхватили пустые мешки. У самого выхода Люхуа обернулась и увидела, как из дома вышел Ду Юньсэ. Он привычным жестом забрал у Хуаняня полотенце и, усадив его на скамью под грушей, принялся бережно промакивать его волосы.

В её груди шевельнулась тоскливая зависть, но, взглянув на зажатые в руке яйца, женщина невольно улыбнулась. Каждый сам кует свою судьбу. Теперь она будет трудиться не покладая рук, чтобы заработать побольше денег, выходить своего Ю-гээра и зажить так же спокойно и счастливо, как Братец Хуа.

Когда гости ушли, Цзюцзю подошла к Хуаняню:

— Невестка Люхуа купила яйца для Ю-гээра.

— Ю-гээр? Это её сын? — Юноша знал лишь, что у Юньху и Люхуа родился гээр, который, по слухам, с самого появления на свет был слаб здоровьем, и его почти не выносили на люди.

— Он совсем крохотный и худой, — прошептала девочка. — Ему скоро три года, а он и на ногах-то толком не стоит. Бабушка почти не дает ему еды... Я видела на днях, как невестка Люхуа плакала, обнимая его.

Цзюцзю была тихой и неприметной, но её ясные глаза замечали в деревне всё, что скрывалось от чужих взоров.

Сердце Хуаняня сжалось. Хоть он и не был близок с семьей Юньху, а с госпожой Чжао и вовсе враждовал, как человек из современного мира он не мог равнодушно слушать о том, что родная бабушка морит голодом трехлетнего ребенка.

Ду Юньсэ продолжал осторожно вытирать его волосы. Кончики его пальцев случайно коснулись нежной кожи за ухом Хуаняня, и он тут же отстранился, словно обжегшись.

— Если тебе беспокойно на сердце, можешь в будущем давать им какую-нибудь работу, чтобы они могли подзаработать, — негромко сказал Юньсэ. — Но прежде всего думай о своем благополучии.

Вернувшись в деревню, Ду Юньсэ уже прослышал о том, как госпожа Чжао подговорила Фубао толкнуть Хуаняня, и теперь относился к этому семейству с крайним недоверием.

— Я понимаю. Они всё еще живут одной семьей, и если помогать им слишком явно, это пойдет на пользу лишь госпоже Чжао и принесет нам лишние хлопоты.

Когда волосы просохли, они вместе перенесли свеклу в кладовую. С тех пор как Мэн Удун начал торговать сахаром в городе, запасы таяли на глазах, и эта партия пришлась как нельзя кстати.

Жизнь в доме постепенно вошла в привычную колею. Хуаняню больше не нужно было вскакивать с первыми петухами. Утром он позволял себе поспать подольше, а проснувшись и распахнув дверь, видел под грушей мужа за книгой. Мул и куры были накормлены, а кадки полны свежей воды.

Цю Хуанянь готовил завтрак и будил детей. После еды Ху Цюянь приводила Юнькана, и Ду Юньсэ некоторое время занимался с ними в главной комнате: учил заучивать тексты или упражняться в каллиграфии, после чего возвращался к своим занятиям.

Для каллиграфии использовали дешевую бамбуковую бумагу по вэню за лист. Ху Цюянь купила целую стопку для всех троих — Ду Юньсэ не брал платы за обучение, и она не могла позволить себе не вносить хотя бы такой вклад.

Юноша устраивался во дворе с плотницкими инструментами. Стоило ему поднять голову, и он видел через открытую дверь мужа. Тот, погруженный в чтение, был удивительно спокоен и красив: длинные пальцы придерживали страницы, а благородные черты лица то расслаблялись, то озарялись глубокой думой. Иногда их взгляды встречались, и они обменивались понимающей улыбкой, прежде чем снова вернуться к делам.

В перерывах, которые Хуанянь называл «минутами отдыха», трое сорванцов выбегали во двор посмотреть на его работу.

— Братец Хуа, что это ты сегодня затеял плести? — любопытствовал Юнькан, присаживаясь на корточки.

Хозяин дома как раз сплетал гибкие ивовые прутья, срезанные вчера в лесу, в квадратные короба глубиной около десяти сантиметров.

— Готовлю всё необходимое для посадки хлопка, — ответил он с улыбкой.

— Хлопок? Неужто в нашей деревне Ду можно вырастить хлопок? — удивился Юнькан. — Матушка говорила, что его только с юга везут.

— Раз Братец Хуа сказал — можно, значит, можно! — сердито заступился за него Чуньшэн.

— А я и не говорил, что нельзя! — тут же вскинулся Юнькан.

Пока мальчишки затевали шутливую перепалку, Цзюцзю, будучи постарше, не ввязывалась в их игры. Она подошла к Хуаняню и принялась помогать, очищая ивовые прутья от листьев.

Тот заметил в её волосах веночек из полевых цветов. Бледные желтые бутоны на фоне иссиня-черных, сияющих здоровьем волос смотрелись очень изящно.

— Где ты набрала таких цветов, Цзюцзю? Очень красиво.

Девочка смущенно улыбнулась:

— Это Цуньлань, дочка главы клана, подарила мне утром. Она ходила в лес за черемшой и сплела два венка.

— В следующий раз угости её ириской. Тебе нужно побольше общаться с подругами.

За последнее время девочка перестала быть той пугливой тенью, которой была прежде.

Хуанянь в хорошем настроении напевал незатейливый мотив, и под его руками рождались просторные ивовые поддоны. Каждый был полтора метра в длину и ширину, а внутри разделен прутьями на три сотни ячеек размером с детский кулачок. Дно, сплетенное из лозы, прекрасно пропускало воздух — это была простая и дешевая, но очень эффективная версия рассадных лотков.

Весенняя пахота в деревне Ду была в самом разгаре. Люди вовсю трудились в поле, выпалывая сорняки и готовя землю к севу. Юноша не спешил: хлопок любит тепло, а земля еще не прогрелась. Подходящее время наступит лишь через месяц.

Выбрав свободный час, Хуанянь отправился к главе клана с документами на четыре му засушливой земли, чтобы договориться об обмене на заливные поля.

Обычно му плодородной «водной» земли стоил три лян, а засушливой — около одного, и мало кто соглашался на такой обмен, поэтому условия всегда были предметом долгих споров. Глава клана Ду Чжэньхэ поначалу решил, что Хуанянь просто не торопится с пахотой, раз у него в хозяйстве есть мул и земли не так много. Но, услышав о хлопке, он задумчиво погладил бороду.

— Баожэнь, — обратился он к сыну. — Отдай Хуаняню тот участок заливного поля, что примыкает к земле Юньсэ, а взамен возьми его четыре му засушливой земли. И доплати ему один лян разницы.

— Отец, но как же... — Ду Баожэнь опешил. За всю свою жизнь он ни разу не слышал, чтобы в окрестностях уезда Чжан выращивали хлопок. Товар этот дорогой, но и риск огромен — если ничего не взойдет, убытки будут непомерными.

— Мы и сами оставим один му под хлопок вместо риса. Хуанянь, ты ведь обучишь моих сыновей, как за ним ухаживать?

Хуанянь рассмеялся:

— Конечно. Осенью будем вместе продавать урожай и подсчитывать прибыль.

Рынок хлопка был огромен, и обучить добрых соседей ему было совсем не в тягость. Семья

главы клана всегда относилась к ним с теплотой, и юноша не видел причин для отказа.

Когда он ушел, Баожэнь всё еще пребывал в сомнениях. Заметив это, старик постучал по полу своей тростью:

— Поручаю это дело тебе. Учись вместе с братьями. Если в доме Хуаняня рук не будет хватать — подсобите. Главное — перенять его умение.

— Отец, ты и впрямь веришь, что у него получится? — Баожэнь не то чтобы не доверял Хуаняню, но сама мысль казалась ему невероятной. Если бы такое ценное растение можно было вырастить в уезде Чжан, кто-нибудь уже давно бы озолотился!

— Я не знаю, как он это сделает, — ответил Ду Чжэньхэ. — Но я вижу, что этот малый слов на ветер не бросает. Раз он решил отдать все свои земли под хлопок, значит, уверен в успехе. Баожэнь, нужно уметь не только беречь старое, но и решаться на новое. В худшем случае потеряем урожай с одного му за год — пара лянов серебра, не велика беда. Чего ты боишься?

Слова отца убедили мужчину, и он постепенно смирился с этой затеей. Так же поступила и Ху Цюянь. Увидев у Хуаняня три десятка ивовых поддонов, она проговорила с мужем всю ночь, а наутро пришла к юноше и объявила, что их семья тоже хочет отвести один му под хлопок.

С тех пор как Ху Цюянь сблизилась с Цю Хуанянем, она не видела, чтобы он хоть раз ошибся в своих расчетах. Раз он так основательно готовится, значит, и хлопок — быть! А ведь это настоящий «золотой товар» по сто восемьдесят вэнь за цзинь. Она разузнала: с одного му можно собрать больше сотни цзиней, а это — двадцать лянов серебра!

А Братец Хуа говорил, что по его методу урожай будет еще богаче!

Вскоре вся деревня заметила, что на полях главы клана и семьи Баошаня остались незасеянные участки. Стоило людям поспрашивать, как новость разлетелась мигом: Цю Хуанянь задумал сажать хлопок.

— Мечтать не вредно, — язвила Ли Гуэр, сидя во дворе Ду Баоцюаня. — Вот наступит осень, и когда на этих заливных полях ничего не вырастет, он и поймет, каково это — остаться без зерна на зиму. Поплачет он тогда горькими слезами.

В западном флигеле Вэй Люхуа, прикрыв дверь, осторожно скармливала Ю-гээру половинку яйца, не обращая внимания на шум снаружи.

За последние дни, раздав долги, она на оставшиеся деньги понемногу выменивала у Хуаняня яйца. Тот время от времени еще и подливал ей полмиски кукурузной каши или рисового отвара. От такой еды лицо Ю-гээра перестало быть землисто-серым, а в плаче прибавилось сил.

Ли Гуэр, не дождавшись ответа, назойливо подошла к флигелю. Люхуа, испугавшись, что та

заметит еду, поспешно вышла на крыльцо.

— Вэй Люхуа, ты что, не слышишь, о чем я говорю?

Поскольку госпожа Чжао ни во что не ставила невестку, Ли Гуэр тоже позволяла себе пренебрежительный тон, называя жену старшего брата просто по имени.

Люхуа гневно вскинула брови:

— И что с того? Даже если Братец Хуа не вырастит хлопок, на сахаре он заработал столько, что может до конца дней есть отборный рис. Кто-кто, а он без зерна не останется.

— Ты!.. — Ли Гуэр вспыхнула от ярости, почувствовав в этих словах издевку. Ведь она, племянница, живущая на милость дяди, была первой, кто мог остаться без куска хлеба, если не будет угождать госпоже Чжао.

Люхуа не стала тратить на неё время, подхватила таз и отправилась к ручью стирать. Хоть судьба Ли Гуэр и была незавидной, она не желала ни трудиться, ни учиться какому-нибудь ремеслу, а лишь плела интриги да искала легких путей. Невестка больше не собиралась ей потакать.

<http://bllate.org/book/15363/1372833>